

Р.А. Кушнерик, В.А. Моисеев

Алтайский государственный университет

Праздник Цагаан сар в Джунгарии в 1733 г. по описанию Л.Д. Угримова

История культурной и религиозной жизни ойратов Джунгарии практически не изучена в отечественном и зарубежном монголоведении. Цель настоящего доклада ввести в научный оборот записки русского посланника Л.Д. Угримова к джунгарскому хану Галдан-Цэрену о праздновании нового года в Джунгарии. Как известно, в 1731–1733 гг. русский посланник Л.Д. Угримов находился в Джунгарии, где вел переговоры с ханом Галдан-Цэреном и его зайсанами о заключении торгового договора между Россией и Джунгарским ханством, обмене пленных и по другим вопросам¹. Во время своей дипломатической миссии Л.Д. Угримов вел дневник или, как тогда называли, журнал. Дневник и другие материалы посольства выявлены нами в Архиве внешней политики Российской империи². Ценность этого дневника заключается не только в зафиксированных Л.Д. Угримовым сведениях о ходе переговоров, но и наблюдениях о политической и культурно-религиозной жизни ойратов, в том числе об их праздниках (см. приложение 1). Рисунок с изображением праздника нового года в ханской ставке, выполненный или самим Л.Д. Угримовым или одним из членов его посольства, скорее всего геодезистом Яковом Фелисовым, попал к руководителю Сибирского горного начальства в 1722–1734 гг. Вильгельму де-Геннину и был помещен последним в рукопись «Описание горных уральских заводов»*. Нами была предпринята попытка прочесть и прокомментировать изображение празднования нового года и надписи к ним (см. приложение 2).

* Рукопись хранится в Отделе рукописей Российской научной библиотеки. Г-Х. № 11. Ч. 2. Л. 339 об. – 340.

Итак, как явствует из дневника, 2 февраля 1733 г. недалеко от Урги происходила церемония новогоднего праздника — Цагаан сар. На него были приглашены многочисленные гости, в том числе и Л.Д. Угримов с некоторыми членами посольства.

Как известно, Цагаан сар является главным праздником в общественной жизни монголов. Это и встреча нового года, и первый месяц года, который открывает весенне-летний сезон, долгожданное окончание зимовки и перекочевку на весенние пастбища. Цагаан сар занимал важное место во всей традиционной жизни монголов, неся колоссальный эмоциональный заряд. Он давал представления о добре и зле, воспринимался как важнейшая дата года, как особое сакральное время. Никто не оставался безучастным в это время, а совпадение его с началом весны придавало этому празднику особую торжественность и красочность.

Фиксированной даты начала нового года не было. Она смещалась каждый раз и могла выпадать начиная с января по начало марта, но чаще всего бывала в феврале. Само название «Цагаан сар» переводится с монгольского языка как «Белый месяц». Это название связано с символикой белого цвета как символа счастья у монголов, а также с использованием в большом количестве продуктов из молока³. По мере распространения и укрепления буддизма в его ламаистской форме на территории Монголии в XV–XVI вв., отмечал известный русский монголовед А.М. Позднеев, происходит сакрализация этого праздника по «случаю воспоминания о совершении в эти дни Буддою Шигэмунием различных чудес в доказательство истинности проповедуемой им веры и божественности ее происхождения»⁴.

До 1267 г. Цагаан сар монголы встречали в сентябре. Перенос праздника на февраль произошел при Хубилае, внуке Чингисхана, первом императоре династии Юань, правившей в Китае с 1271 по 1368 гг. Это были первые попытки проникновения тибетского буддизма на территорию Монголии. Императоры династии Юань всячески способствовали распространению буддизма среди монгольской аристократии и народа. С падением династии Юань влияние буддизма заметно ослабло, монголы вновь возвратились к традиционному верованию — шаманизму. Лишь в XVI веке буддизм окончательно утверждается и законодательно укрепляет свои позиции во всех слоях монгольского общества. Первыми, кто принял новую религию, были восточные монголы, к джунгарам тибетский буддизм приходит на

четыре десятилетия позже. К началу XVII века складывается собственно культовая обрядность. С укреплением позиций буддизма на территории Джунгарии, введения праздничных дат традиционного годового календаря в культовую практику тибетского буддизма начался процесс освоения добуддийского культурного наследия джунгар.

Монастырская жизнь в Джунгарии в начале XVII в. была отмечена многочисленными буддийскими праздниками, но особое место отводилось празднику Цагаан сар. Накануне праздника и первые две недели в монастырях Джунгарии совершались великие хуралы (богослужения). Основой этого праздника являлась обрядовая церемония Цам. Сама мистерия сложилась в Тибете, буддийская традиция приписывает его создание индийскому проповеднику буддизма в Тибете в IX в. Падма-Самбхаве, а введение Цама в новогодние празднества школы Гэлупка связывается с Пятым Далай-ламой Агван-Лобсан-Чжамцо, который лично писал сценарии для праздника. В основном представления Цама имеют строго принятую форму, которая крайне редко менялась с течением времени. Как правило, церемония длилась два или три дня от восхода до захода солнца, с перерывом на обед.

Мистерия Цам была внушительным зрелищем, как по количеству исполнителей, так и по числу зрителей. Л.Д. Угримов в своих записях упоминает несколько сотен лам и манжи (учеников), а также «их калмыцкой процессии весьма было многонародно, например мужеска и женского полу тысяч с пятнадцать или и больше»⁵. Основное значение культового действия заключается в следующем: ритуальные танцы, связанные с проводами старого и встречей нового года, а также для устрашения злых существ от преследователей Будды. Подготовка к мистерии начиналась задолго до назначенного дня. Она состояла главным образом в приготовлении новых и правке старых масок, одежды и украшений. Хорошая погода — основное условие для ее исполнения. Предсказатели или астрологи должны были определить дату представления Цама заранее, а также обеспечить магическими действиями неплохую погоду. Кроме этих обязанностей они занимались также составлением ежегодного календаря, определяли благоприятное время для чествования различных духов.

На том месте, куда прибыл Л.Д. Угримов и многочисленные гости, была поставлена палатка⁶. На упомянутом круге ламы изображали пляшущих бурханов-докшитов — «свирепые» божества. Собственно

докшитами называли еще и будд и бодхисаттв. Они являлись хранителями мира и представлялись в ужасном виде. Изображение докшитов с таким безобразным и искаженным злобою лицом символизировало отвращение божеств от материального мира и постоянное стремление подавить греховное начало. Главными из этих божеств были: Махагала, Цанаг Махагала, Эрлик-хан, Ухинь-тенгри, Бисман тенгри, Бикцэ, Эсура, Ямандага⁷. В буддийской иконографии докшиты изображаются с широко расставленными ногами с несколько согнутым правым коленом, распростертыми и приподнятыми вверх руками и повернутою влево головою, что собственно и подтверждается рисунком. Согласно ламаистской догматике божества представляются во время хурала в таком виде, в каком они являлись ламам во время сновидений.

Исполнителями Цама в основном являлись шанак (послушники), но роли воинов и шутов исполняли, как правило, миряне. Существует определенный канон подготовки к ритуалу. Согласно ему монахи, изображающие главных персонажей Цама, несколько дней перед праздником «созерцают» тех божеств, роли которых они должны исполнять, и отказываются от некоторых видов пищи. Светские участники ритуала соблюдают сексуальное воздержание. Шанак маски не надевали, но взамен у них были особые шляпы. А.М. Позднеев так описывает эту часть одежды: «шапки состояются из черной овальной тульи с широкими полями; на верху тульи их увенчивается деревянною фигуркою человеческого скелета, усеченного до пояса, а над всем этим, начинаясь от полей, возвышается два дугообразных, сделанных из папье-маше рога, которые соединяются между собою вставленными между ними изображением чинтамани»⁷. Чинтамани — Священный Камень, с ним на Востоке связано много легенд. В Тибете и Монголии сложены многочисленные предания и песни о качествах этого камня. Они рассказывают о способности камня двигаться и появляться около священных мест. Камень наделен властью осуществлять все желания, предупреждать своего временного владельца о всяких значительных событиях и об опасности.

При монастырях Цам обычно исполняется во дворе, перед празднично украшенным фасадом храма, который и образует задник сцены, а так как на месте проведения описываемого в материале праздника Цагаан сара нет построенного храма, то его заменяет «палатка» с выходом из «черных атласных занавесок». Скорее всего, палатка

служила «артистической», где переодевались и откуда выходили участники представления. Вход палатки закрыт занавесом от посторонних глаз. Как видно из рисунка, танцовщики двигаются по двум кругам, вышитым на синем войлоке. По внешнему кругу изображены цифры. Согласно буддийскому обычаю ламы должны двигаться посолонь.

Напротив центра круга «поставлено было восемь знамен камчатых разных цветов». Шесты с молитвенными знаменами называются «чадар», и их обычно украшают разноцветными лентами. Они — эмблемы знатных персонажей занятых в Цаме. Цвет знамен указывает на определенную группу персонажей; например, знамена для «защитников учения» — чойджинов (или еще их называют гении-хранители) — черного и темно-синего цвета с отпечатанными на них заклинаниями. К сожалению, невозможно по рисунку определить цвета знамен и соответственно — какие персонажи участвовали в ритуале.

Возле круга сидят ламы «в желтых и рудожелтых суконных епанчах, например, якобы старческие мантии с борами, имея на головах желтые же суконные острые шапки. Позади их сидели по двадцати человек на стороне ламы же с бубнами и с медными тазами в таком же одеянии, а за ними по обеим же сторонам сидели их ламаиские майжи (ученики), которых было ста-с два и больше»⁸. По цвету одежды лам можно определить, что это последователи школы Гэлупа. Кроме лам на рисунке изображены гэлуну (степень посвящения при достижении 20-ти летнего возраста и принятии 253 обетов) с трубами и с «медными тазами». Такое большое количество лам бывало только в дни великих хуралов и также в дни покаяния (бацак). «Медные тазы» называют харанга и они похожи на бубны. «Суконные острые шапки» бывают двух видов «шасэр» и «оботай», в них монахи совершают богослужения. Причем «оботай» носят только духовные лица высшей степени, их и упоминает Л.Д. Угримов.

«По левую сторону вышеупомянутого круга сидел их большой лама на высоком месте, которое место убрано было коврами, а оный лама убран в желтое платье, имея руки по локоть голые и шапку такую же, как и на прочих ламах, токмо повыше»⁹. Это скорее всего Ханбо-лама, он является настоятелем и первым лицом в монастыре. Обычно Ханбо-лама избирался из высокого духовенства и утверждался только в больших монастырях. Главные события и все мероприятия в монастыре проходили в его присутствии.

«В которой церемонии промежду оных лам бегали два человека ... вержекинском бархатном красном платье в мертвых мешках, имея у себя в руках пестрые палки с платками»¹⁰. Здесь изображены две маски, называемые «хохимай». Маски представляются в виде мертвых голов, миряне изображающие «хохимай» одеты в белые полотняные одежды, плотно обтягивающие тело, на которых нарисован скелет человека. Размахивание палками и платками показывает, что они отгоняют ворон от «сора». Это действие напоминает танец «скелетов» — «хозяев кладбищ», «хозяев смерти».

«...Когда на помянутом кругу их калмыцкие ламы плясали, то кругом их ходил Цецен-Хан, а по русскому званию «ленивый», царь, на котором надета была бархатная малиновая шуба, а на голове была деревянная черная личина с большим носом и с грубым взором»¹¹. Видимо, Л.Д. Угримов при описании мистерии неправильно обозначил действующее лицо Цецен-ханом. Скорее всего, это был Качин-хан (Хашин), и он вызывается звуками раковин из сумэ во время церемонии. Маска этого лица представляется обыкновенно карикатурным лицом и выдается ламами за хубилгана ханов Качийских, которые, согласно преданию, встречали в своем доме каждого Будду, приходящего в мир¹². Хубилган — это титул перерожденцев высшего ранга. Роль Качин-хана заключалась также и в том, чтобы встречать каждую вновь появляющуюся маску. Он держит в левой руке хадак, как знак приветствия каждой маске, которая будет в своей очередности выходить в мистерии. Хадак — шарф из шелка желтого, черного, сиреневого и белого цветов. Собственно сама мистерия начинается только с выхода Качин-хана.

За вышеописанными знаменами «сидел лама, убранный в шелковом особливом платье, а перед ним поставлены были два бурхана»¹³. Бурханы или шутэны — это символическое изображение божеств. Они бывают весьма разнообразны и изготавливаются из различного материала: золота, серебра, бронзы, меди, дерева, глины, камня. Подставка, на которой размещается бурхан, называется львиным престолом и изображается в виде цветка пады (лотос) или в виде солнца. Бурханов рисуют также на коже, бумаге и вышивают на полотне (гагда). В ламаистских храмах вывешивались вышитые или нарисованные бурханы — «гагда». Основой нанесения рисунка бурхана являлось обычно льняная холстина. Во время праздника их выносили и развешивали на особом месте.

В кульминационный момент Цама происходит церемония сожжения бурханов. Эта часть мистериального действия называется «сор» — жертва. Сор изготавливается в виде высокой, треугольной и внутри пустой пирамиды, общий вид которой похож на огненный пылающий костер. На данном рисунке изображены два вида сора, сделанные из белой глины и из красного дерева. Ламы во время этой части церемонии выносят сор в степь, где уже разложен костер. Кроме сожжения «сора» в этот момент происходит «умерщвление» линга или балинга, т.е. сжигается изображение на бумаге. По окончании церемонии ламы возвращаются на прежнее место, а пляшущие докшиты под все ускоряющуюся музыку постепенно доходят до дверей сумэ и скрываются в храме. На этом собственно мистерия Цам заканчивается.

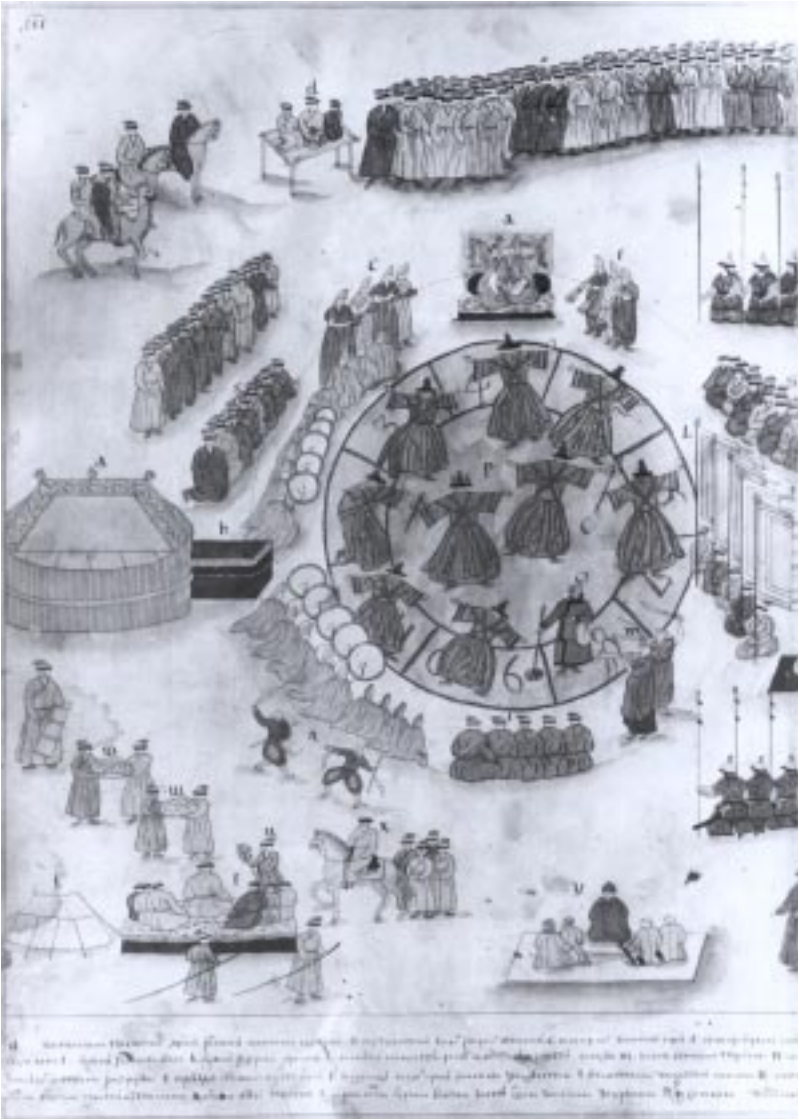
Примечания

- ¹ Об этом посольстве см.: Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998. С. 79–97. После возвращения из Джунгарии Леонтий Дмитриевич Угримов (род. 1700 — ум. ?) служил на Уральских горных заводах, в 1737–1744 гг. был Главным горным командиром. Подробнее см.: Корепанов Н.С. За семью печатями. Екатеринбург, 1998.
- ² Журнал посольства Л.Д. Угримова см.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1733–1734 гг. Д. 3.
- ³ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985. С. 179.
- ⁴ Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993. С. 277.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 3. Л. 124 об.
- ⁶ Там же. Л. 123 об.
- ⁷ Позднеев А.М. Указ. соч. С. 395.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 3. Л. 123 об. — 124 об.
- ⁹ Там же. Л. 124.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Позднеев А.М. Указ. соч. С. 398.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731–1733 гг. Д. 3. Л. 124 об.

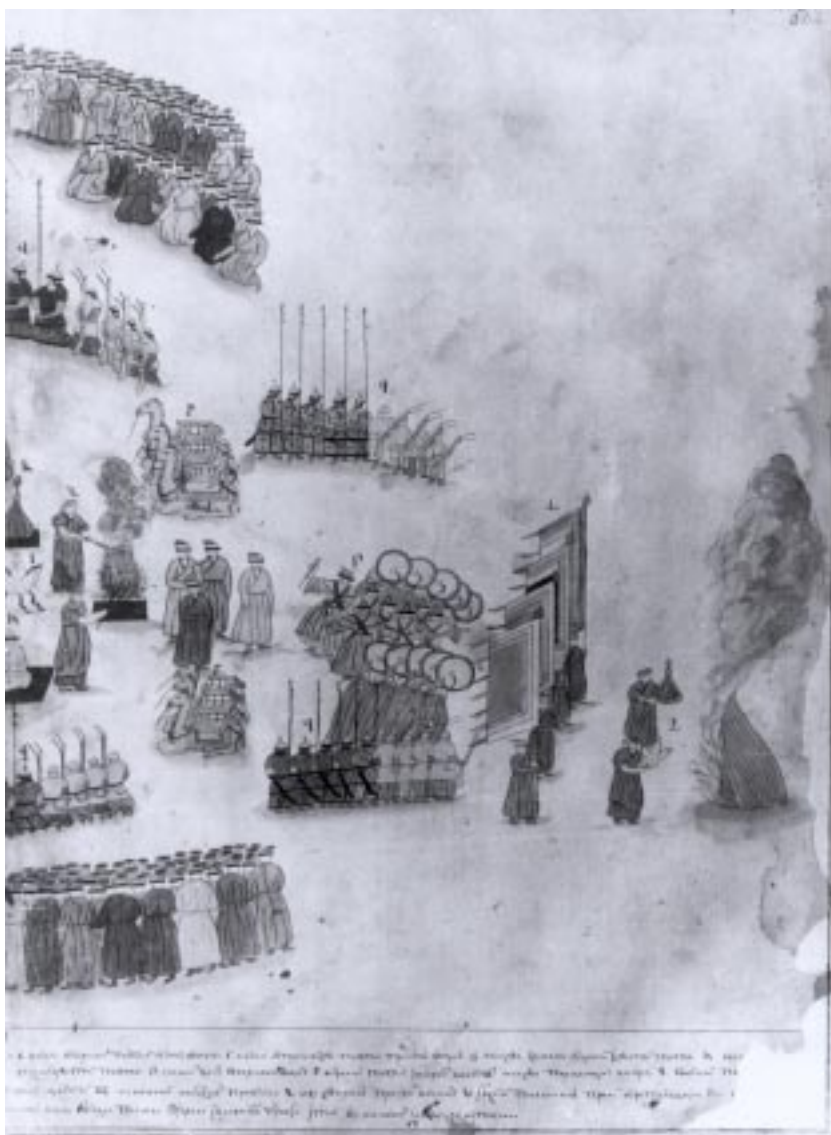
Отрывок из дневника Л.Д. Угримова

«...Февраля 2 сего числа при оном же урочище Гурбалджине был у плац-маэора от Галдан-Церина Цой Намка и объявил: велел де Вас просить владелец наш, чтоб Вы как возможно приехали посмотреть церемонии нынешнего нашего праздника Цаган Сары, от чего всячески было плац-маэор и отговаривался за слабым своим здоровьем, однако по оной просьбе с помянутым же Цой Намкою, хотя через великую нужду, принужден был ехать, а как следовали той процессии и прибыли близ Урги, то Цой Намка сказал плац-маэору: знатно, что де Галдан-Церин еще не бывал, то де мы немного здесь обождем и я де об Вас уже послал доложить и он де, надеюсь, тот час прибудет, а прежде де его нам тут быть нехорошо. Которого с полчетверти часа обождав, и по уведомлению, что уже он, Галдан-Церин, приехал, прибыли к оной процессии и, сошед с лошадей, подошел к нему, Галдан-Церину, плац-маэор и отдал обыкновенный комплимент, а потом оной же Цой Намка показал близ его Галдан-Церина, по правую руку место, где постелен был большой простой войлок, на котором надлежало сидеть. При оном месте поставлена была гулинного цвета атласная палатка, у которой верх и подзоры вышиты были золотом, шириною по полуаршину, кругом той палатки сделанная камышевая травяная каша, перед той палаткой сообщен был выход из черных атласных занавесок, пред которым выложены постелены были по земле синие войлоки в длину аршин на десять, а в ширину на толикое же число. На которых вышит был круг и цифры желтыми сукнами, по которым литером их калмыцкие ламы, выходя из помянутой палатки, в особливо убранном платье плясали, имея у себя на голове черные шляпы с цветами нем шесть, человек пеших его служителей, кроме которого во время оной процессии никому ездить на лошади не свободно, понеже оному дана она чать по наследству за некую предков его выслугу и называется свободный проклад. Между оною же процессию перед Галдан-Церином и плац-маэора принесено было на больших деревянных блюдах лепешки пшеничная и масло белое и красное и мясо крошеное, да на двух малых яшмовых блюдах разных сухих фруктов и сахару. Потом подносили чай и пироги варенные с мясом...».

по обоим сторонам. Возле одного круга сидели их большие, ламы в желтых и рудожелтых суконных епанчах, например якобы старческие мантии с борами, имея на головах желтые же суконные острые шапки. Позади их сидели по двадцати человек на стороне ламы же с бубнами и с медными тазами в таком же одеянии, а за ними по обоим же сторонам сидели их ламаиские майжи, которых было ста с два и больше. В которой церемонии промежду оных лам бегали (2) человека ... вержекинском бархатном красном платье в мертвых мешках, имея у себя в руках пестрые палки с платками, а когда на помянутом кругу их калмыцкие ламы плясали, то кругом их ходил Цецен-Хан, а по русскому званию «ленивый» царь, на котором надета была бархатная малиновая шуба, а на голове была деревянная черная личина с большим носом и грубым взором. По левую сторону вышепомянутого круга сидел их большой лама на высоком месте, которое место убрано было коврами, а оный лама убран в желтое платье, имея руки по локоть голые и шапку такую же, как и на прочих ламах, токмо повыше. Возле одного большего ламы по правую руку сидели ламы же в разных золотых и шелковых одеждах с тазами, а по левую руку с трубами. Напротив вышеописанной палатки поставлено было восемь знамен камчатых разных цветов, за теми знаменами сидел лама же, убран в шелковом особливом платье, а перед ним поставлены были два бурхана, а перед знаменами сидело несколько трубачей с великими и малыми трубами, а позади одного ламы, который сидел перед бурханами, сидели старые почтенные люди в белых шелковых платьях, а на головах были у них шапки круглые лисьи. По правую руку вышеупомянутого круга сидел Владелец Галдан-Церин со своими знатными зайсанами, у которого по левую руку того места поставлена была белая палатка в которой сидела его Галдан-Церина княгиня, а по правую руку от Галдан-Церина постелен был на камыше белый большой войлок, на котором сидел плац маэор и при нем обретающиеся. Кругом оной процессии сидело калмыков в военном убранстве в латах и в кольчугах с копьями и с ружьем по сорок человек на стороне, а между оными было шесть верблюдов с пушками. При которой их калмыцкой процессии весьма было многонародно, например мужеска и женского полу тысяч с пятнадцать или и больше. Во время оной же процессии, ездил на лошади один свободный человек-дархан, при

Праздник Цагаан сар в Джунгарии...

нем шесть, человек пеших его служителей, кроме которого во время оной процессии никому ездить на лошади не свободно, понеже оному дана оная честь по наследству за некую предков его выслугу и называется свободный проклад. Между оною же процессию перед Галдан-Церином и плац-маэора принесено было на больших деревянных блюдах лепешки пшеничная и масло белое и красное и мясо крошеное, да на двух малых яшмовых блюдах разных сухих фруктов и сахару. Потом подносили чай и пироги варенные с мясом...».

Расшифровка подписей под рисунком

- a — поставлена палатка дуган из камок гулинного цвета;
- b — при палатке выход из черных атласов;
- c — из лазоревых войлоков круг;
- d — вышитый бурхан чагба;
- L — гелуны в парчовом платье бьют в тазы;
- f — гелуны в таком же платье трубят в трубы;
- s — манжи ученики в красном и желтом платье;
- h — ...богдо лама;
- I — бурхан из глины белой;
- k — бурхан из дерева красной;
- L — знамена камчатые разных цветов держат манжи;
- m — гелуны с малыми трубами;
- n — ...два в бархатном платье;
- o — Кашин хан в парчовой шубе;
- p — в убранном платье и в черных шляпах манжи пляшущие на кругу;
- g — в военном платье и кольчугах с копьями и со оружием;
- r — верблюды с пушками ...;
- t — владелец Галдан Черин со своими услужители;
- 1 — в полотняной палатке княгиня;
- u — котон принес цветы;
- w — кушанье на блюдах принесено;
- x — содо жирган приехал на коне;
- y — из России посланник и при нем обретающие Его...;
- z — ...сожгли во огни платы написаном и обшит в бело платы (?);
- 2. — дормо сожгли бурхана во огни... заковыкали закрывали игру скончали... како выходя плясали и играли и тое все на словах и на фигуре написано (?).

АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1733–1734 и. Д. 3.